

Михаил Гирели

EOZOON (Заря жизни)

Книга первая

ДЕСЯТИЛЕТНИЕ ПОИСКИ

ТО, О ЧЕМ НЕОБХОДИМО ПРОЧЕСТЬ

Нельзя идти осматривать картинную галерею или незнакомый город без проводника или хорошо составленного руководства.

Настоящие строки — отнюдь не предисловие к предлагаемому роману. Они скорее руководство, с которым необходимо познакомиться до начала чтения самого романа.

Дело в том, что хотя предлагаемое произведение и носит на себе отпечаток авантюрно-фантастического романа, но с этим авантюрно-фантастическим планом тесно переплетен план психологический.

И в нем вся сущность.

В романе фигурируют в качестве центральных лиц две фигуры: молодая девушка и уже начинающий стареть ученый. И тот и другая страстно желают принести человечеству такую жертву, которая оздоровила бы это человечество, сделала бы его свободным и

социально-счастливым. И обоих постигает неудача, ибо оба подходят к разрешению задачи неправильно. Девушка — порождение буржуазного класса, и приносимая ею жертва человечеству чудовищна по своему замыслу и трагична своей бесцельностью. Ученый более счастлив в этом отношении. Его жертва — плод его долгой научной деятельности — в конце концов также бесцельна, но его преимущество заключается в том, что он вовремя сознает свои ошибки и если не громогласно, то в душе своей уже признается в них. И это преимущество его вытекает из того простого обстоятельства, что он... русский. Величие социальной реформы страны его рождения открывает ему глаза на его ошибки и он радостно признает, что «зарю жизни» должно быть названо не то неестественно-уродливое, о чем мечтает героиня романа, представительница буржуазной Европы, а новый кадр людей — целый класс, вышедший победителем из тяжелой борьбы последних лет.

Тут нет никакой натяжки.

И именно потому, что ее нет, я счел нужным написать эти строки, дабы новое поколение наше (главный потребитель современной литературы) не заблудилось бы в незнакомом городе и сумело бы правильно ориентироваться в лабиринтах картинной галереи. Эти строки тем более

необходимы, что читателю придется иметь дело, по ходу романа, с биологическими теориями, идущими из послевоенной Европы и своими упадочническими настроениями могущими затемнить значение всего романа и неправильно дать понять читателю, кого именно уже не герои предложенного романа, а сам автор называет громким именем «Eozoon'a», т. е. «зари новой жизни».

ЧЕЛОВЕК УМЕЕТ СТРЕЛЯТЬ

Рупрехт фон Альсинг сконфуженно стал осматривать блестящий затвор автоматического ружья.

Черное волосатое лицо гориллы, искаженное гневом и яростью, с надувшимися от напряжения глазными мешками, протянутыми вдоль всей верхней челюсти и кончавшимися только у самых ушей, внезапно перестало быть страшным и разгладило свои отвратительные морщины. Совершенно неожиданно углы рта, большого и некрасивого, окаймленного толстыми, мясистыми губами, виновато опустились книзу, и это судорожное движение жутко напомнило улыбку жалкого, провинившегося человека.

В маленьких глазах, глубоко запавших в резко ограниченных выдающимися надбровными дугами

глазницах, радостно засияла та же болезненно-извиняющаяся улыбка, и они стали добрыми, влажными, понимающими.

Одной рукой животное осторожно почесывало правый бок. Другая была прижата к груди, тщетно пытаясь остановить поток густой, темно-красной крови, который, пробившись сквозь длинные коричневые пальцы, зажимавшие рану, спокойно и тяжело расплзался во все стороны, застывая в мохнатой шерсти зверя дрожащими, фиолетово-алыми сгустками и распространяя вокруг терпкий запах железа и селитры.

Пуля Яна ван ден Вайдена пробила маленькое отверстие в груди зверя чуть-чуть повыше левого соска.

— Надо было взять тремя четвертями сантиметра левее и ниже! — воскликнул весело охотник и подошел к горилле.

Предсмертные судороги сильно потрясли тело поверженного зверя и, хотя у него оставались еще силы встать на ноги, он продолжал спокойно лежать на спине, устремив свои человеческие глаза в горячие своды синего неба, которое, казалось, дрожало от густых и влажных испарений земли.

Глаза фон Альсинга встретились с глазами умирающей обезьяны.

— Как хотите, но мне это напоминает... убийство, — пробормотал молодой человек, тщетно

пытаясь найти хоть одно подозрительное пятнышко или царапину на сверкающем магазине ружья.

Ван ден Вайден подошел к умиравшей горилле, не расслышав бормотания молодого товарища.

Грубо и совершенно бессмысленно, ради балаганной театральности, высокий, худой и прямой как хлыст старик с силой ударил умирающее животное каблуком желтого охотничьего сапога по вздувшемуся, поросшему редкими буроватыми волосами животу и процедил сквозь зубы: «Еще одна капля в сосуд моей мести».

Горилла икнула, как человек, с трудом приподняла голову и глазами добрыми, внезапно понявшими то, чего никогда не могла понять при жизни, улыбнулась в стальные глаза ван ден Вайдена теплой лаской, благодарностью и прощением.

Ван ден Вайден расхохотался.

— У этой бестии глаза совсем как у католического священника, — воскликнул он, но сразу почувствовал, что заглушить смехом то, что внезапно выросло у него в душе под этим звериным взглядом, все равно не сможет.

— Интереснейший экземпляр *Gorillae ginae*, — произнес он, насупив брови.

Приподнятая голова гориллы тяжело упала на мягкие листья пандана, и, взглянув в последний раз

в дрожащие небеса, обезьяна глубоко вздохнула, ее широко вырезанные ноздри с силой втянулись внутрь и, закрыв спокойно глаза, она застыла навеки на горячей траве Лампона, мягкой как пух, когда она полна еще жизненными соками, и режущей тело как бритва, когда она высыхает под неистовыми лучами полуденного солнца тропиков.

У ПАСТОРА БЕРМАНА ГОСТИ

Пастор Берман раздраженно отодвинул чашку кофе и с оттенком нескрываемой брезгливости сказал сидевшему против него в плетеном шезлонге молодому человеку:

— ...и вообще, знаете... я не очень-то склонен верить всей этой мистификации!

Собеседник пастора, молодой человек лет тридцати, слегка наклонился в сторону пастора и холодно улыбнулся.

На сотни верст крутом совершенно прозрачный воздух был раскален огненными лучами вздыбившегося солнца, останавливал дыхание своею расплавленной неподвижностью, заставляя биться стесненное какой-то невероятной тяжестью сердце быстро, но тяжело и неровно, слабыми вынужденными ударами.

В эти ужасные дневные часы пастор Берман спасался только крепким черным кофе,

разбавленным коньяком.

Но на молодого англичанина жара не оказывала ни малейшего действия.

Он был одет в традиционный английский костюм тропиков, состоявший из плотно облегающего тело белого френча, сшитого из какой-то неопределенной материи, таких же белых брюк и белых парусиновых туфель на пробковой подошве.

На голове, отбрасывая резкую тень на глаза, красовался сделанный из морской травы шлем, обернутый синей вуалью.

Тонкий и, казалось, легкий стек со скрытой полоской хорошо закаленной, гибкой как тростник и твердой как камень стали, спокойно и равномерно отбивал дробь по бамбуковому полу веранды пастора Бермана.

С подчеркнутой любезностью, видя, как пастор Берман, задыхаясь, расстегивал порывистыми движениями ворот своей чесучовой сутаны, англичанин, меняя тему только что происходившего между ними разговора, вежливо осведомился:

— Вам, кажется, не совсем хорошо, сэр?

— Я очень страдаю в эти часы, — с трудом проговорил пастор и, указывая трагическим жестом по направлению к видневшейся на западе массивной горной цепи, воскликнул: —

Посмотрите только, сколько дьяволов столпилось на одном месте!

Горный массив, на который указывал пастор, представлял собой, действительно, величественную картину.

Совершенно заслонив своей массой горизонт и бирюзово-перламутровые волны Индийского океана, горная цепь западного побережья Суматры, возвышаясь почти у самого берега, протянулась гигантским хребтом от Паоло Брасе до Зондского пролива, в который она спускалась скалистыми уступами.

Вершины Долок Симанабели и Пезек Бенит дымились, освещая красным заревом обволакивающие их тучи, а вулканы Саго и Моро Апи рвали на клочья дрожавший воздух бурными залпами лавы, пепла и исполинских столбов медно-красного огня.

— Нельзя видеть в каждом обыкновенном вулкане дьявола, — с вежливой улыбкой процедил англичанин сквозь крепкие белые зубы, однако, не давая повода к какой-нибудь фамильярности или вообще к чему-нибудь, выходящему за пределы простого светского разговора.

— Поживите здесь на Суматре немного, тогда запоете по-иному, — пробурчал насупившийся пастор, глотая холодный черный кофе. — Ведь вот только здесь, на значительной возвышенности, в

Силалаги или на Падангском плоскогорье более или менее мыслимо существование белого человека. Почти всюду в остальных местах Суматры для нашего брата — смерть. И притом смерть медленная и мучительная, смерть, полная проклятий и пытки. Человек желтеет как лимон, внезапно стареет как египетская пирамида и высыхает как мумия. Ни один европеец дольше двухтрех месяцев не выдерживает этого климата. Там малярия расправляется с человеком на пятый-шестой день! Манящая ваши взоры трава, благоухающая как утро, оставляет на обнаженных местах вашего тела, которыми вы неосторожно прикоснулись к ней, ничем не смываемый яд, медленно проникающий даже сквозь неповрежденную кожу в ваш организм, и вызывает внезапно, тогда, когда вы меньше всего этого ожидаете, мучительное оцепенение мускулов и паралич сердца. А милые лесные жители! Они выдувают в вас из проклятых сарбаканов маленькие отравленные стрелки, величиной не больше булавки, но от царапинки которых вы тотчас же начинаете чернеть, пухнуть и минут через пятнадцать покорно разрешаете отрезать вашу голову для украшения забора лесного вождя, и не можете не разрешить этого сделать, потому что и с неотрезанной головой вы к тому времени в достаточной степени мертвы. О!.. Ну, разве не

дьявольщина все это? Вам этого, может быть, не понять, но я, раздумывая над греходеяниями нераскаянных, обливаюсь холодным потом и мне становится душно... дурно...

Пастор Берман сам не заметил, как с описания Суматры и нравов ее жителей перешел на тему воскресной проповеди о грешащем человечестве и каверзах злого духа, однако мистеру Уоллесу стало ясно, что пастору действительно дурно.

Это обстоятельство и заставило англичанина, сделавшего вид, что не замечает пасторской слабости, довольно мягко сказать:

— Ваша работа миссионера очень тяжела, конечно, но... — Несмотря на всю вежливость его интонации и напряженность позы, с которой он произнес эти слова, пастор Берман никак не мог уловить, издевается ли над ним этот непрошенный гость или соболезнует ему... — Но неужели же христианство и культура ничего не улучшили в этом крае? Ведь, если я не ошибаюсь, миссионерство началось на Зондских островах еще в 1598 г.? Я припоминаю, что Библия была переведена на малайский язык уже в 1773 г., а начиная с Людовика Бонапарта и Вильгельма I Нидерландского Океания перешла в руки гуманных управителей, первых пионеров истинной культуры, таких друзей человечества, как, например, Ян ван ден Боох, гуманист и христианин. И...

— И все это чистейший вздор, молодой человек, — вдруг вскипел пастор, грубо перебив своего корректного собеседника, сразу обнаружив расовое отличие, существующее между голландцем и англичанином.

Англичанин улыбнулся одними углами рта и, не меняя позы, спокойно выслушал заряд слов, сыпавшийся градом.

— Вздор! — прогремел пастор и, ударив по столу кулаком, продолжает более спокойно: — Вот именно-то гуманные методы управления цветными расами, применявшиеся голландскими генерал-губернаторами в прежние времена, и причинили непоправимый вред в деле насаждения культуры на островах и подорвали авторитет белых. Белого человека перестали бояться из-за мягкости и уступчивости этих господ правителей, а страх — это основной двигатель туземных мозгов. А если бы вы знали, какой помехой явилась их гуманность нам, миссионерам, в деле обращения язычников в христианство! Давно пора признать, что христианство — это не пустое словоизвержение господ проповедников; что христианство — это, прежде всего, дело и, как всякое дело, требует делового к себе отношения. Если ты добровольно не хочешь принять христианство, то тебя надо огнем. Да, огнем! А потом, откровенно говоря, я этих господ дикарей и за людей-то не считаю.

Дарвинизм и тому подобный вздор — опасное заблуждение. Виды неизменяемы, и я убежден, что совершенный Господь сотворил все виды животного царства таковыми, каковыми они в настоящее время и являются! Обезьяна была всегда обезьяной, человек оставался всегда человеком, а дикарь был сотворен, как промежуточное между ними звено, всегда был дикарем, остался таковым и, если не вымрет, то и останется дикарем на веки веков и никогда не будет в состоянии обратиться в человека.

— Да, сэр, — произнес, прищуриваясь, англичанин, молча выслушавший всю эту длинную тираду, — а вы не считаете несколько предосудительным, в таком случае, обучать обезьян христианству и давать им возможность приобщаться св. тайн?

— Во-первых, я не сказал, что дикарь — это обезьяна, — покраснел пастор. — Я сказал только, что это не человек. А потом... потом... ну, что же, назовите это опытом церкви, если хотите, не имеющим особо важного значения, так как все равно дикие расы идут быстро к вымиранию под натиском белой культуры. Все равно они скоро исчезнут с лица земли.

— Гм, — кашлянул англичанин, — а я полагал, что политика Европы по отношению к своим колониям осуждается церковью. Ведь что

позволено мечу, то вряд ли можно разрешить кресту... виноват, или я, может быть, ничего в этом вопросе не понимаю.

— Современный миссионер, молодой человек, — строго ответил пастор, — и должен быть вооружен скорее мечом, чем крестом! Времена моих пра-пра-пра-предшественников, разных гуманитаристов, вроде знаменитого миссионера Ноликсона — давно уже канули в вечность. Огнем их надо всех, огнем! Это единственно правильная и реальная точка зрения. Жизненный повседневный опыт подсказал мне ее правильность. Вот, не угодно ли выслушать, например, о проделке этих господ? — спросил пастор и, не дожидаясь ответа, продолжал, указывая пальцем вниз, по направлению к деревням баттов, окружавшим озеро Тоб: — Недели три тому назад в одном из их кланов произошел скандал: одна из жен раджи родила ребенка, в венах которого оказалась кровь белого человека. Тут ничего удивительного нет. Мало ли белых купцов проезжает мимо и ночует в их деревнях? Однако прелюбодеяние жены наказуется по их законам смертной казнью. Зная это, я выехал на место происшествия, собрал весь клан, дал им понять, что, так как жена раджи согрешила с белым, то это должно быть принято как величайший почет и благоволение белого человека к их роду, просил их

отпустить ко мне блудную жену для соответствующего внушения. Они очень внимательно выслушали меня и обещали исполнить мою просьбу после обсуждения происшествия в своем совете. Я вернулся к себе. Потеряв понапрасну целый день в ожидании прибытия блудной жены, обеспокоенный столь долго продолжающимся совещанием, вечером я снова отправился к ним.

Пастор Берман наклонился к перилам веранды и часто задышал, поминутно сплевывая.

— Я приехал к ним, мистер, с крестом на груди и двумя браунингами в карманах брюк. Когда я слезал с лошади, они доедали ее. Съели они ее по закону: живьем. По закону же в трапезе принимали участие родители и братья наказуемой, причем отец, в точности выполняя ритуал наказания, выжимал собственноручно лимонный сок на обнаженные зубами мышцы еще живой, трепетавшей в руках палачей, своей родной дочери. Кости были обглоданы дочиста.

На этот раз корректность англичанина изменила ему. Оскалив свои белые зубы, он бурно и весело расхохотался.

— Это великолепно! — воскликнул он. — Вы не станете отрицать, что у этих господ есть чувство уважения к закону и традициям? А ведь это — отличительная черта культурного человека. На мой

взгляд, они много проиграли бы в глазах джентльмена, если б отказались от лимона!

Перебивая веселый хохот англичанина, пастор Берман снова начал выбрасывать из себя кипящую лаву слов.

— Мне они предложили убираться подобра-поздорову, так как несчастная под пыткой показала, что... что... (она, вероятно, думала себя этим спасти) — что согрешивший с нею белый человек — был... я.

Смеяться больше англичанин уже не мог. У него болел живот и ломило шею, а пастор Берман продолжал негодующим голосом:

— А вот в прошлом году, во время созревания лимонов, когда дуют юго-восточные пассаты, господа христиане, опьяненные сильно действующими на нервы ветрами, вспомнили, что в старину у них был один, тоже не лишенный своих прелестей, обычай, который они тотчас же и воплотили в действительность. Обычай этот заключается в том, что все старики рода, которые одряхлели уже настолько, что являются лишь обузой всему племени, должны влезть на лимонные деревья и повиснуть головою вниз. В это время молодежь внизу пляшет, неистовствует и, кривляясь, орет:

«Когда плод созреет, он сам упадет». Вместе с созревшими лимонами несчастные падают на

землю и тотчас же поедаются живьем.

— Very well! — сказал англичанин. — У каждого народа свои обычаи. У нас в Англии, например, этих стариков послали бы в палату лордов. Мне думается, милый пастор, обижаться вам на это не следует, — После этой истории с лимонами, — заговорил пастор, сделав вид, что не расслышал англичанина, — я писал в форт Кок, начальнику военного округа, и что же? Прислали отряд солдат, произвели дознание и выпороли публично всех старшин племени плетеной глагой (трава тут такая растет, рассекает она тело в кровь и вызывает потерю заживляющей способности у тканей). Ну, вот и все! А надо бы было их всех перевешать. Огнем надо было бы, огнем!

— Yes! — совершенно неожиданно, подымаясь со своего места, сказал англичанин каким-то до того странным и резко изменившимся голосом, что пастор Берман невольно вздрогнул. — Yes!

В серых глазах его скользнул холодный огонек, и они стали похожими на ту скрытую в его плетеном стэке сталь, что так легко могла раскрыть любой череп.

Казалось, англичанин давно дожидался этой минуты. Он, видимо, решил больше не церемониться и разом вернуться к столь деликатно прекращенному им полчаса тому назад разговору, в

котором и заключалась скрытая цель его визита к пастору.

Резким движением руки он достал из бокового кармана своего френча визитную карточку и поднес ее почти к самому носу пастора, мгновенно из обыкновенного гостя перевоплощаясь в официальное лицо, которому нечего зря терять время.

Ошеломленный этой переменной, пастор Берман, побледнев, взял карточку и прочел:

СТЕФЕН УОЛЛЕС
Скотланд-Ярд
Лондон

а на обороте, за колониальной печатью его величества короля Великобритании, Ирландии и Индии, представителя на Суматре, наискось написанную фразу:

«Оказывать содействие».

ТАЙНА ЛИЛИАН ВАН ДЕН ВАЙДЕН

— Итак, — сказал пастор Берман, придавая своему вытянутому лицу более любезное

выражение и чувствуя, как страх перед англичанином неприятно заползает в его сознание, — вы явились ко мне, мистер, поскольку я понимаю, с официальным поручением?

— Вы правильно поняли, господин пастор.

Тон мистера Уоллеса был сух и неприятен. И какой-то внутренний голос говорил пастору Берману все настойчивее и тревожнее о том, что перед ним враг, неожиданный, сильный и как будто не намеревавшийся скрывать свою враждебность.

Все это было крайне странно и неприятно и заставило пастора сказать:

— Хорошо, мистер Уоллес! Однако, разрешите мне перед началом вашего... кажется, допроса, который вы намереваетесь произвести, задать вам, в свою очередь, один-два вопроса?

— Пожалуйста.

— Почему это вы обращаетесь по поводу исчезновения Лилиан ван ден Вайден, а мне кажется, что именно об этом будет речь, ко мне? И, кажется, исключительно ко мне.

— Обращался ли я помимо вас еще к другим, господин пастор, вам неизвестно, буду ли я обращаться к другим — вас не должно интересовать, а к вам я обращаюсь по вполне объяснимой причине: вы здешний старожил. Живете на Суматре более десяти лет и, несомненно, прекрасно успели ознакомиться с местными

нравами, обычаями, географией, одним словом, со всем тем, чем я не обладаю, но обладать, для успешного выполнения моего дела, должен.

— Так. Вы, случайно, не родственник знаменитого географа Малайского архипелага мистера Дж. Уоллеса?

Англичанин улыбнулся.

— То обстоятельство, что я его двоюродный племянник, и было решающим моментом в выборе меня СкотландЯрдом для выполнения трудного поручения, выполнить которое я и обязался.

— В чем заключается это поручение, если это не тайна?

— Найти леди Лилиан ван ден Вайден.

— Но ведь она, вне всякого сомнения, погибла?!

— Тогда доказать, что это действительно так.

— Еще один вопрос, мистер Уоллес: что заставило английское министерство внутренних дел заинтересоваться этой историей спустя десять лет после того, как она случилась?

О чем вы думали раньше?

— Вероятно, все о том же, сэр. Я лишь агент СкотландЯрда и в секретные соображения министерства внутренних дел не посвящен: мне поручено, и я исполняю. Но, если вас могут интересовать мои личные соображения, то позволю себе сказать, что Англия вообще никогда не

торопилась в своих делах. Ей некуда торопиться.

Пастор Берман иронически улыбнулся.

— Ну, что же! Слушаюсь. Прошу вас теперь задавать вопросы: я готов отвечать.

— Я предпочел бы слушать, а не спрашивать, — сказал мистер Уоллес и корректно добавил: — оставляя за собой право, в неясных для меня местах, перебивать ваш рассказ.

Пастор Берман шумно вздохнул.

— Ну, как мне все это ни опротивело, я готов рассказать еще раз все, что знаю об этой глупой истории. Отчего вы стоите? Прошу вас, сядьте; рассказ длинен, я велю подать еще виски и содовую. Эй! Меланкубу! Сюда!

На зов пастора явился слуга, одетый в туземный костюм каин, т. е. просто опоясанный вокруг талии куском полотна, концы которого были просунуты между ляжками и закручены узлом на пояснице.

— Меланкубу звал господин?

— Да. Принеси еще содовой воды и виски.

— Меланкубу приносит виски господину или два господину?

— Нет, только гостю, — указывая рукой на мистера Уоллеса, сказал пастор. — А мне принеси, пожалуй, еще кофе пополам с желтым огнем. Ты знаешь?

— Меланкубу знаешь, — сказал слуга и исчез

во внутренних покоях.

— Если я не ошибаюсь, ваш слуга выходец из Менамбау? — спросил мистер Уоллес.

— Да. А вы почему это узнали?

— Его выговор выдает его более культурное происхождение, — сказал мистер Уоллес и, как бы давая понять пастору, что, хотя он и новичок на Суматре, но ни провести, ни обмануть себя не позволит, закончил:

— Расовые отличия абенжеров, т. е. людей возвышенного края, от людей низменного края — лампонжеров, а уж конечно, и от дикарей из Лампоны — охотников за черепами, даяков, сундалезцев, бугиссов, совершенно диких пьявонгов и, наконец, лесных жителей, — слишком очевидны, чтобы можно было их спутать друг с другом.

— Да, да, — подтвердил сказанное пастор Берман, неприятно пораженный наблюдательностью и знаниями англичанина, — вы вполне правы!

Совершенно бесшумно, будто бархатом вода по полу, вошел Меланкубу и принес виски, содовую, кофе и коньяк, который назывался в здешних местах «желтым огнем».

Когда Меланкубу вышел, пастор Берман налил мистеру Уоллесу полный стакан освежающего и подкрепляющего напитка и,

придвигая к себе свое кофе, снова шумно вздохнув, сказал:

— Итак, вы разрешите мне начать?

Глаза его исподлобья глядели на мистера Уоллеса, и голова была грустно опущена на грудь.

— Прошу вас.

Театрально вскидывая голову и приводя мистера Уоллеса в некоторое недоумение, внезапно, почти страстно, начал свой рассказ пастор Берман.

«Этому проповеднику положительно не хватает выдержки», — подумал Уоллес, окинув холодным взглядом пастора, начавшего повествование следующими словами:

— Ян ван ден Вайден появился в наших краях осенью 1905 года, когда с Тихого океана потянулись муссоны, открывая собой шестимесячный период дождей, прекращающихся лишь с началом сухих и прохладных северо-западных ветров. Атмосфера насыщается влажными и ядовитыми испарениями, и это время наиболее неблагоприятно для приезда на острова европейцев, а в особенности северян.

Приезд на Суматру старика с молодой дочерью, не связанных делами с Океанией, в такое время года, мне показался не совсем обыкновенным и нормальным. Большинство европейцев, прибывающих к нам осенью, почти тотчас же

заболевают малярией, и жизнь очень многих угасает еще раньше того времени, когда ветры меняют свое направление.

Однако, по какой-то счастливой игре случая, ничего подобного со стариком и с его дочерью не случилось. Остановившись на самое короткое время в Палембанге, городе на юге Суматры, расположенном по обе стороны реки Моэри, по которой поднимаются самые большие корабли, ван ден Вайден наметил себе путь к востоку и вскоре, держась первоначально южного берега Кампара, достиг реки Индрагира, по руслу которой и дошел до озера Сингарах. Местность эта принадлежит к числу самых нездоровых клочков земного шара, и даже населявшие ее когда-то дикие племена давно эмигрировали оттуда дальше на восток. Сейчас там безлюдная пустыня и, право, я затруднился бы ответить на вопрос, что могло заставить старого джентльмена совершить его безумный поступок!

Правда, для палеонтологов отлогие берега рек Индрагири и параллельных ей Кампара и Сиака — клад, так как текут они среди еще совершенно неисследованных третичных отложений, но Ян ван ден Вайден понимал в палеонтологии не больше, чем я в салонных танцах!

Вы извините меня за откровенное мнение, мистер Уоллес, но, должен вам признаться, у меня давно уже начало складываться убеждение, что

сумасшедший старик определенно искал чьей-то смерти: либо своей, либо... Далее следы его несколько теряются.

Вскоре он появляется уже здесь, на озере Тоб, и я не ошибусь, если скажу, что пришел он сюда через Силалаги по реке Азахан. Достоверно я знаю лишь то, что этот безумный старик, совесть которого Господь обременил ночными тенями, успел перед тем, как попасть сюда, побывать на проклятой создателем горе Офир, а потом, отойдя к северу, пробраться в самую гущу непроходимейших на земном шаре лесов, населенных самыми дикими племенами, какие только существуют на всем божьем свете, ньявонгами, оранг-улу и оранг-лубу; лесов, кишаших тиграми, барсами, слонами, носорогами и необычайно редко встречающимися у нас гориллами, и потому считающимися у туземцев священными, в отличие от шимпанзе и оранг-утана, которых вы можете найти в любой местности Суматры, ядовитейшими змеями, малярией, ужасной болезнью «амок», вызывающей внезапное умопомешательство и мгновенное превращение человека в зверя, — злого, рычащего и кусающего.

Вырвавшись из объятий этих лесных чащ, мой уважаемый соплеменник обосновался в районе озера Тоб, очевидно, вполне удовлетворенный дикостью горных баттов и их сородичей даяков,

охотников за черепами, импонировавших своих промыслом в достаточной степени его просвещенному вкусу!

Пастор Берман на мгновение умолк.

Мистер Уоллес, развернув на коленях прекрасную карту Суматры — издание английского адмиралтейства, шаг за шагом следуя за рассказом пастора Бермана, чертил красным карандашом путь старика-голландца по почти неисследованным еще областям таинственного острова.

Ярко-красная черта на пепельно-сером фоне карты имела странный изломанный вид и от наблюдательного пастора не ускользнуло то обстоятельство, что карта была уже исчерчена синим карандашом, и синяя полоска была прямее, чем только что проведенная красная.

Пастор недовольно наморщил лоб и сказал:

— Если вам, мистер, придется когда-нибудь выслушать от кого-нибудь рассказ о путешествии ван ден Вайдена, я буду очень рад, если вы сравните оба рассказа между собой, хотя должен оговориться, что голландские власти, крайне смущенные исчезновением Лилиан, стараются упростить дело. Я же, ни в чем не заинтересованный в этой истории, отлично помнящий сумасшедшее метание старика по острову, — могу поручиться за правильность каждого своего слова.

Мистер Уоллес молча и сосредоточенно разглядывал карту и не обмолвился ни единым словом на замечание пастора.

Спокойно отрываясь от карты, он спросил, пристально разглядывая притупившийся кончик своего карандаша:

— Поскольку я вас понял, сэр Ян ван ден Вайден появился в ваших краях уже без дочери?

— Конечно, конечно! — быстро ответил пастор. — Желая восстановить картину путешествия ван ден Вайдена, я не прервал своего рассказа в том месте, где исчезла Лилиан. История ее исчезновения — это тема совершенно самостоятельного повествования. Если вам угодно, я могу рассказать все, что знаю о том, как и где Ян ван ден Вайден облегчил свой багаж...

Строго поднятые брови мистера Уоллеса не дали раскрасневшемуся пастору закончить фразу.

— Я извиняюсь за несколько неудачное выражение, — иронически произнес пастор и уже с раздражением добавил: — Однако, давайте кончать! Право, я боюсь, что мне снова сделается дурно.

Мистер Уоллес кивнул головой.

— К северу от горы Офир лежит единственная, проложенная голландским правительством дорога, ведущая к городу Паданг или «городу-цветку», как его здесь называют,

самому очаровательному месту западного побережья Суматры.

— Я это знаю, — сухо сказал мистер Уоллес и резко добавил: — Я попросил бы вас на этот раз не бояться нарушить целостность рисуемой вами картины, быть более кратким и... и не забыть указать мне с достаточной точностью, где именно вы впервые встретились с леди ван ден Вайден.

Глаза англичанина были спокойны и строги.

Пастор Берман напряг всю силу воли, чтобы не ответить грубостью дерзкому англичанину.

— Мне кажется, вы немного горячитесь, мой молодой друг, а это может только повредить рассказу. Уверяю вас, что ни от вас, ни от кого другого мне нечего скрывать...

Потерпите немного, и вы узнаете все обстоятельства этой истории. Я прошу прощения, но буду продолжать свою повесть по начатой уже системе. Итак, мистер Уоллес, я не солгу, если скажу, что город Паданг является настоящим цветком Суматры. Это центр, резиденция, так сказать, местной голландской аристократии. Паданг, по красоте да и по своему значению, уступает одной только Батавии, где, как вам известно, сконцентрированы все административные органы управления голландскими колониями и где изволит пребывать его высокопревосходительство господин генерал-губернатор, полномочный

представитель моей августейшей повелительницы.

Пастор взглянул исподлобья на мистера Уоллеса, как бы желая убедиться, что его раздражающая медлительность достигает своей цели и что последняя фраза, подчеркивающая полную независимость пастора от английских властей, окончательно вывела непрошеного гостя из себя.

Но ни один мускул не дрогнул на каменном лице англичанина, когда он, почтительно привстав и приложив руку к козырьку шлема, скучно и холодно сказал:

— Yes!

Пастор разочарованно вздохнул.

— Итак, я продолжаю. В конце июля или в начале августа 1906 г., я уже точно не помню, мне пришлось, по делам своей паствы, отправиться в Батавию, откуда я и должен был на обратном пути посетить город Паданг, так как иначе не попасть в Менанкабуа, куда я должен был заехать перед возвращением домой. В Паданге сходятся две дороги: одна, ведущая, как сказано, в Менанкабуа, другая — на Офир. Я так долго затруднял ваше внимание Падангом, так как именно здесь, после восьмимесячного странствования его по острову, я и встретился с Яном ван ден Вайденом...

— И с его дочерью?

— Да, сэр, и с его дочерью! Наступила

минутная пауза.

Где-то далеко внизу, у поросшего лесом холма, раздалось рычание тапира. Мистер Уоллес почувствовал тяжелую удушливость воздуха.

— Будет гроза, — сказал пастор Берман. — Белый тапир, встречающийся только на Суматре и Борнео, всегда кричит перед грозой. В другое время палкой не заставишь его заговорить.

Мистер Уоллес взглянул на далекую цепь гор, над которой дрожали кровавые отсветы, увидел, как переползла, словно ящерица, с одной вершины на другую тяжелая, золотисто-зеленая молния, услышал еще далекий и гулкий, но грозный и долгий раскат грома — словно недовольное рычание потревоженного зверя, — и, не меняя выражения лица, сказал холодно и скудно:

— Yes!

Пастор Берман внезапно заторопился.

— Разрешите, сэръ, я закончу свою повесть. Когда раздражается гроза, я серьезно заболеваю. Мне нужен покой. Постараюсь быть кратким и опускать мелочи. Впрочем... это как раз совпадает с вашим желанием... Не правда ли?... Ну, вот! Не могу не сознаться, что обстоятельства, при которых я познакомился с ван ден Вайденами, были совершенно необычны.

Прибыл я в Паданг почти ночью. Во всяком случае, я был достаточно утомлен, чтобы тотчас же,

как только закрылась дверь номера за провожавшим меня швейцаром Hotel d'Amsterdam, приступить к приготовлениям, предшествующим сну.

Однако, не успел я достать из чемодана чистую ночную сорочку, как в дверь моего номера кто-то сильно постучал.

Я только собрался еще ответить, как дверь уже оказалась открытой и вошел высокий, худой и жилистый старик, произведший на меня неприятное впечатление грубой, упрямой и непреклонной воли, как бы исходившей от всего его существа.

Он мне ярко напомнил сумрачную фигуру «Железного адмирала Адриана» со знаменитой картины Веласкеза или какое-то темное полотно Ван-Дейка. Я отлично помню, эти сравнения сразу же пришли мне в голову, лишь только я увидел его. Глаза его светились гневом из-под его седых, тонко, как серп месяца, очерченных бровей; у него был длинный, с горбинкой, тонкий, породистый нос и, я помню, меня поразили его руки. Они были красивы, выхолены, сухи, с длинными костлявыми пальцами, с надувшимися трубками вен. Они были надуты до того, что казалось, сейчас лопнут, и целым замысловатым лабиринтом, как толстой синей бечевкой, овивали его кисти. Мне думается, это признак сердечной болезни или постоянного гнева и раздражения. Гладко зачесанные назад волосы его

были белы как снег, хотя можно было сразу сказать, что обладателю их не больше пятидесяти лет. Одет он был в туго облегающий его тощую фигуру охотничий костюм, за поясом которого висели, с одной стороны, кривой охотничий нож в серебряной оправе, усыпанной драгоценными камнями, а с другой — кожаная кобура с торчащей из нее рукояткой кольца. В руке он держал хлыст.

Необычайно удивленный столь неожиданным визитом, я постарался не выдать своего волнения и спокойно попросил его сесть и объяснить мне цель своего прихода, если только он не ошибся и имел в виду свидание именно со мной.

Пастор снова умолк, видимо, переживая что-то очень волнующее. Через некоторое время он заговорил снова.

— Я должен вас заверить, мистер Уоллес, он был очень краток в разговоре со мной, — продолжал пастор, стараясь найти нужные краски для передачи того, что произошло, когда дверь его комнаты закрылась за неожиданным гостем. — Он сразу же отрекомендовался мне Яном ван ден Вайденом, и мне стало ясно, что я буду иметь дело с одним из родовитейших и богатейших людей не только моей родины, но, может быть, и большей части земного шара. Ян Ван-ден-Вайден — прямой потомок первого короля Нидерландов Вильгельма

I, вступившего на престол в 1815 году после несчастного Людовика Бонапарта, насильственно посаженного на трон своим всемогущим братом, Наполеоном I, в 1806 г. Вся Суматра, я думаю, легко могла бы уложиться в одно из отделений объемистого кошелька этого человека.

Он с места в карьер ввел меня в курс дела, т. е., иначе говоря, объяснил мне цель своего внезапного вторжения ко мне.

Дело касалось его дочери, Лилиан... Ян ван ден Вайден сразу же сообщил мне, что я обязан чести его видеть исключительно капризу его дочери, желавшей во что бы то ни стало увидеть меня. Очевидно, с целью самооправдания, он и начал с биографии своей дочери.

Рано лишившись жены, он отдал свою единственную дочь Лилиан на воспитание в одно закрытое учебное заведение, находящееся под покровительством самой королевы и в ведении одного из самых строгих монастырей.

Молодая девушка поражала своих воспитательниц послушанием и успехами, и уже шестнадцати лет блестяще закончила образование. По окончании учебного заведения, из которого в течение одиннадцати лет она никуда не выходила, Лилиан была доставлена к своему отцу, в его замок, находящийся недалеко от Амстердама. С этой минуты с молодой девушкой началось то странное

и непонятное, что послужило причиной их посещения Суматры.

Ах, мистер Уоллес, вам этого не понять, может быть, но уверяю вас: дьявол никогда не спит и точно знает, когда надлежит напасть на намеченную жертву. О, как бдительны должны быть мы все, дабы избежать его злых и могущественных козней!

Леди Лилиан, перед которой открывался блестящий и заманчивый жизненный путь, вдруг совершенно неожиданно, не объясняя даже причин, категорически отказалась от всякой светской жизни, причем отказом этим не только огорчила, но и опозорила отца, так как, решив избавиться от светского общества, она стала вести себя крайне предосудительно и вызывающе, я бы сказал, — даже непристойно. Конфуз следовал за конфузом. Вскоре на высочайшую милость ее величества королевы нидерландской, предложившей зачислить молодую девушку своей фрейлиной, она ответила отказом. Дело было замято только благодаря целому ливню золота, хлынувшему из кошелька ван ден Вайдена на тех, от кого зависело погасить пожар скандала.

Затрудняюсь вам сказать, сэр, кто более всего виноват, но участие отца в деле разращения своей дочери весьма вероятно. У вас в Англии девицы не пользуются столь широкой самостоятельностью,

как у нас в Голландии, и вас, должно быть, удивят некоторые обычаи моей родины. Когда девушке исполняется семнадцать лет, ей преподносят сладкий пирог, обсаженный семнадцатью горящими свечами, а в пирог запекают... ключ от входной двери дома! Это символ ее полной самостоятельности с этой минуты.

Однако, я не ошибусь, если скажу, что старик ван ден Вайден оказался чересчур рьяным поклонником этого старинного обычая. Он понял его, по моему глубокому убеждению, слишком буквально.

И потом, одно дело ключ, а другое дело ключ, плюс никем не контролируемый поток золота в руках молодой девушки, уже успевшей показать свою некоторую, как бы сказать... неуравновешенность.

Деньги сыпались из рук молодой особы направо и налево, и, казалось, она взяла на себя невыполнимую задачу истратить все отцовское состояние. И отец ей в этом не препятствовал. Он, очевидно, знал, что с этой задачей ей все равно не справиться.

Правда, все деньги, расходуемые Лилиан, шли на благотворительные цели, и, казалось бы, ничего дурного в этом не было; наоборот, можно было бы лишь приветствовать столь явно выраженную христианскую щедрость, если б... если б... мистер

Уоллес, уверяю вас, не та странность, та, недостойная молодой девушки, экспансивность, с которой это все делалось, которая не могла быть оправдана даже льющим из рук Лилиан золотым потоком.

Есть пределы всему, и нарушение самых элементарных правил приличия недостойно уважающего себя члена христианского общества. Одно дело продавать цветы, например, на благотворительных вечерах и базарах или, скажем, устраивать ясли для малюток, рожденных бедными, честными женщинами, состоящими в браке, освященном церковью и государством, ну — а ходить по ночам по разным вертепам и благотворительствовать падшим особам непристойного поведения, пьяницам, сифилитикам, — простите меня, сэр, это уже будет делом совершенно иным! А пристрастие Лилиан к этого рода вещам развивалось с каждым днем все сильнее и сильнее... Азарт молодой девушки с минуты на минуту становился все непристойнее и непристойнее, и закончился, как и следовало ожидать, новым невероятным скандалом.

Вы знаете, мистер Уоллес, это была довольно грязная история, между нами говоря, и, если бы не то, что Лилиан давно погибла, я, щадя ее девичью репутацию, быть может, и отказался бы от передачи этого темного дела!

А дело заключалось в том, что в одно прекрасное утро жених молодой девушки, достойнейший молодой человек, личный адъютант его величества короля Бельгии Рупрехт фон Альсинг, встретил свою невесту при выходе из публичного дома! Легко понять, что объемистая чаша терпения старого ван ден Вайдена оказалась мгновенно переполненной, и разгневанный отец упрятал дочь в один из своих провинциальных замков под строжайшим надзором двух монахинь, специально с этой целью выписанных им из какого-то, славящегося своей строгостью, монастыря. Фон Альсинг оказался настоящим джентльменом и не только не поднял шума из-за этой грязной истории, но, наоборот, веря в чистоту своей невесты, щадя седины своего будущего тестя, не опозорил старика отказом от руки его дочери.

Но с девушкой продолжало твориться что-то неладное. В заточении она стала быстро худеть и хиреть, и казалось уже, что история эта должна будет неминуемо завершиться страшной катастрофой. Ван-ден-Вайден чуть ли не со всего света выписал к тяжело заболевшей дочери профессоров и знаменитых врачей и совсем растерялся, узнав их диагноз. Больная, по мнению ученых, оказалась совершенно здоровой, исключительно хорошо развитой физически, правда, с несколько «экзальтированной» психикой,

как выразился один из господ профессоров, но... это ведь не болезнь! В наше время экзальтированность молодых людей скорее правило, чем исключение! Ян ван ден Ванден, выслушав такой диагноз, не знал, что ему делать: удивляться, радоваться или негодовать?! На вопрос отца, что же он должен в дальнейшем предпринять для устранения этой самой «экзальтации» — ученые в один голос посоветовали ему увезти дочь куда-нибудь подальше, изменить условия жизни, которые могли бы не только развлечь молодую девушку, но и успокоить ее. По указанию этих же ученых старик избрал Суматру, как неплохое место для психической встряски.

Вот с этой-то целью, по словам ван ден Вайдена, он и таскал свою дочь по всем богом проклятым местам дьявольского острова, мотив, между нами говоря, мало убедительный для такого рода экспериментов! Боюсь, что в ваших глазах он не заслужит большего доверия, чем в моих!

Пастор Берман на секунду замолчал.

Потом, как бы очнувшись от какого-то тяжелого воспоминания, сказал с достоинством и твердостью в голосе:

— Тут, сэр, вы должны будете извинить меня, но дальнейшая беседа моя с Яном ван ден Вайденом носила настолько характер исповеди, что оглашать ее я не в праве, и ни вы, сэр, ни

официальные власти не в праве меня заставить выдать содержание этой исповеди.

Пастор Берман не без гордости откинулся на спинку кресла и твердо взглянул в холодные глаза англичанина.

Трудно сказать, что прочел он в них, — только через секунду он, переводя свой взор, сказал более мягким тоном:

— Одно еще я могу сообщить вам, сэр, — это то, что эта беседа совершенно не относится к делу, и, если бы я даже и сообщил ее вам, это ни на йоту не могло бы способствовать успеху вашего дела...

Англичанин, казалось, крепко врос в свое кресло и не потрудился даже изменить позу.

И только после довольно продолжительной паузы он, резко вскидывая голову, спросил коротко и отрывисто:

— Однако, виноват, но вы-то лично видели Лилиан или нет?

— Да, сэр, я видел ее, — довольно просто сказал пастор Берман. — Я видел ее, и это обстоятельство до сих пор является самым тягостным воспоминанием моей жизни.

Должен вам сказать, сэр, что я был жестоко оскорблен молодой девушкой. Однако, если вам это угодно, я, не щадя даже своего самолюбия, готов передать вам все подробности этого тяжелого свидания и моего разговора с Лилиан.

Итак, сэр, Ян ван ден Вайден, окончив свой рассказ, довольно неожиданно для меня предложил мне пройти к его дочери.

На мой вопрос, чем я могу быть полезен молодой девушке, Ван-ден-Вайден ответил, что он и сам этого не знает и откровенно признается, что в желании его дочери видеть меня он усматривает новый каприз с ее стороны и ничего больше. «Для этого я и рассказал вам о характере моей дочери так подробно, — закончил старик разговор со мной. — Вы, как пастор, должны простить ее и, конечно, сумеете найти тему для разговора. Не отказывайте, милый пастор, в ее просьбе, иначе сумасбродная девчонка сама к вам придет!».

Я сделал большую ошибку, что уступил просьбам старика. Теперь я это ясно сознаю. Однако о свершенном нечего сожалеть, — к тому же мной руководили самые благородные побуждения!

Я далек от желания впасть в пафос, мистер Уоллес, но, клянусь вам: когда я впервые увидел Лилиан, я ощутил дьявола в себе. За всю мою почти двадцатилетнюю службу господа это случилось со мною один только раз — именно в ту минуту, о которой идет речь.

Когда я вошел в комнату, Лилиан лежала уже в постели. Было невероятно жарко, и Лилиан лежала, прикрытая лишь прозрачной кисеей

светло-голубого цвета. Я клянусь вам, сэ: от нее исходили какие-то лучи сверхъестественной похоти, и они были так сильны, что способны были убить. В ней сидел дьявол, сэ, дьявол, и он был страшно силен.

— Very well, — сказан англичанин, — это неинтересно. Вы разговаривали с леди?

— Да. Сперва я попросил ее прикрыть свою наготу. Она отказалась исполнить мою просьбу: «Я вас звала не для того, чтобы вы смотрели, а для того, чтобы вы слушали», — сказала она.

— Yes! Дальше?!

— Дальше я замолчал, — сказал пастор. — Я твердо верил в ту минуту, сэ, что под кисеей лежит дьявол, но я не мог не сознаться, что дьявол прекрасен!

Если бы вы знали, как искренно и горячо молил я Господа, чтобы он сжалился надо мной, как некогда сжалился над св. Антонием, и лишил бы меня моих хорошо видящих глаз!..

— Милосердие господа на этот раз оказалось несколько двусмысленным, — произнес мистер Уоллес с иронией, но, быстро овладев собой, обратился к пастору голосом, полным непередаваемого бесстрастия: — Однако, оставим глаза в покое...

Пастор Берман, успевший уже привыкнуть к несдержанности и грубости своего гостя,

продолжал, не обращая внимания на колкости своего собеседника:

— Лилиан не могла не показаться одержимой. Не успел я сесть, как она назвала меня ханжой, растлителем честных душ, насильником и, в конце концов, радостно объявила, что христианство, хотя и прививается вот уже две тысячи лет мечом, войнами, ложью, обманом и насилием, оно все еще, к счастью, не коснулось большей части людей, населяющих земной шар и оставшихся верными единому и вечному богу — самой природе!..

— Леди ван ден Вайден выказала довольно недурную аргументацию в этом споре, как можно судить из ваших слов, — заметил мистер Уоллес, — однако, смею вас заверить, ваше запоздалое самобичевание будет плохо оценено такими людьми дела, как я. Ничего более конкретного не произошло между вами?

— Сэр! — воскликнул пастор Берман, и в голосе его слышались гневные и грозные нотки профессионального проповедника, выведенного из терпения. — Сэр! Что же, вы полагаете, в самом деле, что уши нашего Господа глухи к мольбам его сынов?

— Заблуждение! Заблуждение, сэр! — теперь уже гремел пасторский голос. — Недостойное христианина, скверное, вредное заблуждение! Я был воистину лишен моим творцом всех органов

чувств моих после сказанного молодой особой, я сумел победить дьявола в себе, — я встал и вышел.

— И это все? — разочарованно спросил мистер Уоллес, устремив свои стальные глаза на пастора.

— Да, это все.

— А что же затем случилось с леди Лилиан? — совершенно игнорируя победу пастора над дьяволом, спросил мистер Уоллес, давая понять, что услышанное для него уже не представляет интереса и что он желает знать только о дальнейшем.

— Я уже доложил вам, сэр, — не без раздражения, на этот раз сказал пастор: — я встал и вышел.

— Но ведь не вы меня интересуете, милый пастор, — невозмутимо ответил мистер Уоллес. — Вы не так поняли мой вопрос. Я интересуюсь знать, что стало с молодой леди?

— Это мне известно, вероятно, не лучше, чем вам. Дальнейшую судьбу ее я узнал случайно... и, если вам угодно, то конечно, я могу...

— Прошу вас.

Перед тем, как продолжать, пастор Берман вздохнул, достаточно ясно давая понять мистеру Уоллесу, как он ему надоел.

— Наутро, оставив свою визитную карточку внизу у швейцара, я, не попрощавшись с ван ден

Вайденом, покинул Hotel d'Amsterdam, решив посвятить весь путь в Менанкабуа молитвам о спасении души грешной, заблудшей девушки.

— Скажите, пастор, — вдруг неожиданно спросил мистер Уоллес, — а разве для того, чтобы пробраться в Менанкабуа, необходимо проехать через форт Кок?

Пастор почему-то вздрогнул, с почти нескрываемой ненавистью взглянул на англичанина и ответил:

— Конечно, необходимости нет никакой. Форт Кок лежит в стороне... По дороге в Менанкабуа необходимо проехать лишь так называемую Буйволову расселину. Однако, мне несколько неясен ваш вопрос, мистер... мистер...

— Уоллес.

— Мистер Уоллес.

— Я вижу, что очень вас утомил, — сказал англичанин сухо, — раз вы уже забыли мое имя. Но я скоро освобожу вас от своего присутствия. Еще два-три вопроса. Извольте быть настолько любезным и ответьте мне на следующие вопросы: первый — вы не заезжали в форт Кок?

— Нет.

— Отлично. Второй: сколько времени ван ден Вайдены пробыли еще в гостинице d'Amsterdam после вашего отъезда?

— Они покинули ее в тот же день вечером.

— Very well! Понимаю. А... а Лилиан не заезжала на озеро Тоб?

Пастор Берман, несмотря на одолевавшую его духоту, как ужаленный, вскочил с кресла.

Он разразился целым градом ничем не обоснованных проклятий по адресу своих врагов и даже самого мистера Уоллеса и, наконец, успокоенный полным недоумением англичанина, сказал:

— Простите мою горячность, мистер Уоллес. Это нервы и ничего больше. Боюсь, я снова не совсем точно понял ваш вопрос и он вывел меня из терпения. Теперь я вижу, что ошибся, и приношу извинения. Конечно, ни Лилиан, ни отец ее здесь не были до катастрофы. Повторяю: в тот же вечер они отправились тою же дорогой, что и я, но, не доезжая Буйволовой расселины, внезапно углубились в непроходимые чащи лесов, минуя все дороги и пренебрегая всеми мерами предосторожности, намереваясь, очевидно, своим безрассудством укоротить путь, срезав дорогу, идущую вдоль этих лесов. Таким образом они рассчитывали сразу выйти на восточное плоскогорье.

Однако... это не удалось им. Т. е., вернее, удалось, благодаря какой-то непонятной случайности, одному лишь только ван ден Вайдену. Лилиан не вернулась из этой экспедиции.

Двенадцать туземцев, сопровождавшие ван ден Вайденов, были убиты ядовитыми стрелами лесных жителей — их трупы были позднее найдены голландскими солдатами, — а Лилиан бесследно исчезла почти на глазах у своего отца.

Сам Ян ван ден Вайден рассказывает об исчезновении своей дочери следующее.

Экскурсия продвигалась гуськом. Впереди шли двенадцать туземцев. За туземцами следовал верхом сам ван ден Вайден, шествие замыкала Лилиан, тоже верхом на лошади. Катастрофа разразилась внезапно и с молниеносной быстротой. Ван ден Вайден успел заметить, как споткнулся шедший впереди проводник, потом он почувствовал сильный удар в голову. С этой минуты он потерял сознание. Все дальнейшее представилось ему как в тумане и запомнилось весьма смутно. А запомнилось ему следующее: все проводники внезапно куда-то исчезли! Затем раздался крик его дочери, лошадь которой, испуганная выпрыгнувшей из-за кустов огромной и злой собакой (должен вам сказать, что все лесные жители имеют таких собак), вынесла всадницу далеко вперед крупным, почти бешеным галопом. Ван ден Вайден увидел свою дочь, выхватившую из кобуры револьвер, шагах в пятидесяти от себя, соскочившую на землю и бросившуюся куда-то бежать. Ее белое платье мелькнуло в густой зелени

кустарника и... все кончилось. Лилиан исчезла. Старик, казалось, находился в столбняке. Управлять лошастью он не мог. Удивительно, как он еще продержался в седле столько времени... впрочем — уже через два часа умное животное вынесло его, еле живого, на берег реки Мазанг.

— Виноват, сэр, — все так же спокойно и без всякого недоумения в голосе спросил мистер Уоллес. — Я боюсь, что плохо понял или недослышал вас. Должен ли я думать, что лошадь ван ден Вайдена вынесла его из леса через два часа или через два дня?

— Конечно, через два дня, — хмуро ответил пастор. — Через два дня, сэр; я обмолвился. Кому же знать это лучше, как не мне! Ведь в свое время я тоже весьма интересовался этой историей.

Так вот, тут, на берегу Мазанга, Ян ван ден Вайден и свалился с лошади, уже окончательно лишившись сознания. Догадавшись о крупной награде, местные жители подобрали его и доставили голландским властям, находившимся неподалеку.

Мне остается добавить к своему рассказу еще немного.

Ян ван ден Вайден передал полмиллиона гульденов местным голландским властям на поиски своей дочери. Целый полк голландских стрелков обшарил все окрестные леса, правда, по моему

совету, не очень углубляясь в них. Но ведь это было бы ничем не оправдываемой бессмыслицей: известно, что даже лесные жители живут только по опушкам. Но и эти поиски обошлись довольно дорого многим из их участников. Более сорока стрелков погибли в этих лесных экспедициях, кто от стрел, кто в волчьих ямах, кто в капканах лесных жителей, из которых удалось уничтожить лишь пять человек.

Я сильно разозлен всей этой историей, мистер Уоллес, (думаю, это обстоятельство не ускользнуло от вашего внимания), но, уверяю вас, я имел и имею к тому основание.

Из-за одного взбалмошного человека, потерявшего веру в Господа Бога, погибли десятки людей. Доверие местного населения ко мне, которым я все время пользовался, сильно пошатнулось ввиду того, что расквартировавшиеся во время похода в наших краях воинские части вели себя далеко не безупречно. А со времени переселения в мои края господина ван ден Вайдена я совершенно перестал владеть сердцами своей цветной паствы.

Покой их гор и лесов, покой их самих был грубо потревожен из-за одного пропавшего белого, в сумасшедшую голову которого забрела мысль вторгнуться в чащу лесов, куда даже они, местные жители, не осмеливаются забираться. Разве мало

кругом безопасных дорог и путей? Это действительно глупая история. Но хуже всего еще то, что сам Ян ван ден Вайден, объявивший о крупной награде тому, кто найдет его дочь живой или мертвой, не нашел ничего лучше, как поселиться здесь под самым моим носом, пригласить бывшего жениха своей дочери Рупрехта фон Альсинга, подавшего, ради поисков своей горячо любимой невесты, в отставку, и... объявить войну всему живому! Это же безрассудство, сэр! Старик, в гневе своем на ничем не повинную перед ним природу, принялся зло и систематически уничтожать все живое, что ему только попадаетея под руку. Эту истерическую охоту свою, не прекращающуюся ни на минуту вот уже почти десять лет, он окрестил громким именем — мести за дочь!

Мне кажется, он совершенно уже потерял рассудок и больше не знает удержу своим инстинктам. Скоро он начнет охотиться за туземцами, уверяю вас. Он начал с тапиров, диких кошек, кабанов и тигров. Эти звери ему показались вскоре недостаточно крупными и сильными, очевидно. Он перешел на львов, носорогов, убил двух слонов и... занялся крайне скверной штукой, сэр! Он начал преследовать человекообразных обезьян.

Я пробовал урезонить озверевшего старика,

но он не особенно вежливо отклонил мое вмешательство: «Вам этого все равно не понять. В безграничном и систематическом уничтожении всего живого я черпаю новые силы для утоления своей печали. Я счастлив доказать глупой и дикой природе, что семизарядная автоматическая винтовка Ремингтона умнее, сильнее ее». Я предложил ему найти забвение в молитвах за упокой души его грешной дочери, но он заявил мне, что пока собственными глазами не увидит костей своей дочери, он не станет затруднять уши Всевышнего «гнусавыми» молитвами.

Мистер Уоллес улыбнулся, оскалил свои большие белые зубы и вдруг, с неожиданностью, заставившей вздрогнуть пастора Бермана, встал с кресла, как будто кто-то нажал на кнопку и освободил пружину, удерживавшую его.

Лицо англичанина приняло выражение бесконечной предупредительности и любезности, когда он сказал:

— All right! Я надеюсь, с моей стороны не будет нескромным, если я поинтересуюсь теперь узнать ваше личное мнение обо всей этой истории, дорогой пастор. — Пастор испуганно замахал руками.

— Мое мнение? Упаси меня Боже иметь какое-нибудь мнение во всей этой странной истории, мистер Уоллес. Тут можно предполагать

вещи, которые легко могут привести к греху... Ясным остается лишь одно: Лилиан погибла, и искать ее — ничем не объяснимое безумие. Уверяю вас, что девятилетнее пребывание молодой девушки в лесах Суматры — срок вполне достаточный для того, чтобы восемь лет и одиннадцать с половиной месяцев молиться за упокой ее души, что, впрочем, я и делаю. Это моя обязанность, в конце концов. А отчего именно и как она погибла... — я не учился в Скотланд-Ярде, мистер Уоллес, я окончил духовную академию, — это обстоятельство, вероятно, и заставляет меня, да простит мне Господь мой, частенько отгонять от себя грешные мысли о какой-то странной роли самого отца во всем этом деле, или...

Мистер Уоллес громко расхохотался.

— Положительно, милый пастор, вы правы, говоря, что в духовной академии ничему путному не научишься.

— Я этого не сказал, сэр, — обидчиво ответил пастор Берман. — Если мое мнение вам показалось смешным, незачем было осведомляться о нем. Чему бы, однако, вас не учили в Скотланд-Ярде, я не думаю, что нашелся бы безумец, отважившийся углубиться в непроходимые дебри наших лесов, в тщетной, если не сказать, сэр — глупой надежде отыскать хотя бы одну косточку погибшей Лилиан ван ден Вайдена.

— Ну-с, сэ, после того как мы обменялись любезностями, — сказал мистер Уоллес, — разрешите вам доложить, что такой безумец нашелся. Ваш покорный слуга не уберется отсюда, пока не...

— Пока не погибнет в лесах Офира, — перебил пастор Берман. — Уверяю вас, другого выбора нет.

— Это покажет время, а пока разрешите мне искренне отблагодарить вас за ваше гостеприимство и за ценные сведения, пожелать вам всего наилучшего и, оставаясь вашим покорным слугой, раскланяться до следующего раза. Good bye, sir!

Как в железные клещи вложил мистер Уоллес в свои длинные пальцы пухлую, мягкую ручку пастора Бермана и сжал ее с такой силой, что бедный пастор чуть не вскрикнул от боли.

Мистер Уоллес легко сбежал вниз по лестнице с веранды пасторского домика, легко вскочил в седло своей лошади и тронулся в путь легкой рысцей по направлению к озеру Тоб.

Даль была ясна, и с пасторской веранды было видно на очень далекое расстояние.

Но не успел англичанин отъехать и полуверсты, как внезапно хлынул страшный ливень, бешено загрохотавший по упругим листьям раффлезий и, как театральный занавес, скрыл от

взоров пастора Бермана удаляющуюся фигуру мистера Уоллеса и все, что его окружало.

С наслаждением вдыхая принесенную дождем прохладу, пастор Берман с удовольствием представил себе мокрую фигуру дерзкого англичанина, наказанного Божьей десницей за свою непочтительность и чванство, поудобнее уселся в кресло и, сложив руки на животе, забормотал нечто вроде благодарственной молитвы Господу Богу; ее хорошо знакомый текст оказался превосходным средством, механически вызывающим сон.

Через пять минут пастор спал уже крепким сном утомленного праведника.

ПАСТОР БЕРМАН

Отец маленького Бермана, человек, уважаемый своими согражданами, а еще больше своей верной женой, был 30-лотовых дел мастером в маленьком земледельческом городке южной Голландии — Горинхеме.

Маленький магазинчик Ганса Бермана помещался почти на самой окраине городка, не доходя всего несколько шагов до крутого, обрывистого берега Вааля, катящего свои вечно пузырящиеся волны к широкому Маасу, за которым сразу начинались поля, усеянные мельницами, плод тяжелой, кропотливой работы упорного,

трудолюбивого голландского крестьянина.

Поля начинались мельницей старого дедушки Утрехта и в безветренную погоду, когда дедушка сидел на камне у своей мельницы, а Ганс Берман на крылечке своего магазина, можно было переговариваться друг с другом, несмотря на то, что старый Утрехт давно забыл те времена, когда он еще хорошо слышал.

Понятно, что в такой дыре нечего было ждать больших доходов ювелиру, и Ганс Берман жил только редкими свадьбами да случайной починкой грошовых серег, колечек и брошек окрестных крестьянских щеголих.

Но никто никогда не слышал, чтобы Ганс Берман роптал на свою судьбу.

Рождение сына внесло в жизнь Ганса много шума и радости.

Будущий пастор с большой важностью подносил к синеватому с некоторых пор носу почтенного золотых дел мастера одну за другой обе свои крошечные ножки, покрываемые жадными поцелуями счастливого отца.

Но... все это было так давно... — и, конечно, сам пастор Берман этого помнить не мог.

В дальнейшем его мать, «мутти Эмма», начала рожать все новых и новых наследников скромного достояния, но честного имени Ганса Бермана, и дела стали принимать уже совершенно другой

оборот.

Жизнь дорожала, дела почти никакого не было, и не прошло и нескольких лет, как кроткая Эмма, выбившись из сил, в один темный осенний вечер молитвенно сложив на высосанной груди руки, отошла в иной мир, разумно и безропотно, как то и подобает доброй, тихой и благочестивой женщине.

Ганс Берман запил, и дальнейшие перемены не заставили себя ждать.

Лично для Руди перемены эти выразились в том, что нежная, розовая кожаца его детских ножек сменилась загорелой и грязной кожей ног вечно рвущего свои сапоги мальчишки, и в том, что уважаемый золотых дел мастер не переставал добросовестно и честно повторять одну и ту же фразу, отчеканивая каждое слово:

— Если ты будешь так быстро рвать свою обувь, то я тебя, подлеца, в сапожники отдам.

Надо отдать справедливость покойному золотых дел мастеру, он не бросал на ветер своих слов, дело кончилось тем, что Руди действительно был отдан подмастерьем к старому Гельдеру — соседу и отдаленному родственнику.

У Гельдера Руди пришлось обосноваться надолго.

Вскоре после того, как Руди покинул родительский дом, мальчик остался круглым

сиротой. Смерть унесла в могилу почтенного Ганса Бермана.

Сестер Руди приютили сердобольные соседи, а самого Руди взял на воспитание бездетный старый Гельдер.

Вскоре честный старик принужден был сознаться своей половине, с которой привык делить все свои мысли и чувства:

— Знаешь ли ты, мой друг? Из Руди никогда хорошего сапожника не выйдет, вот что! Человек, который способен износить в месяц пару самых крепких сапог, должен пойти по другой части. Я думаю, что если мне удастся сделать из него священника, — это будет не многим хуже, чем шить сапоги.

Так была решена участь Руди. Мальчика определили в школу.

Ученье давалось Руди трудно, и не раз старому Гельдеру приходилось аргументировать свои нравоучения, на которые он не скупился, крепкими подзатыльниками и оттягиванием ушных раковин школьника.

Но судьба мальчика была predetermined. К двадцати годам Руди закончил образование.

Юношей он вырос довольно слабым и малокровным и удивительно равнодушным ко всему, что его окружало. Еще в школе учителя обращали внимание на это совершенно

неестественное для ребенка равнодушие и апатию ко всему, с чем только мальчик приходил в соприкосновение. Как-то инстинктивно чувствовалось, что его тихое поведение могло быть объяснено только робостью.

Но наиболее странным в его поведении было отношение к женщинам. Он боялся девчонок и всегда постыдно ретировался перед ними. Завлечь его в игру, в которой принимали участие девочки, было делом совершенно невозможным. Казалось, что он испытывал настоящий страх перед женщинами, страх, выросший на какой-то болезненной почве. Будущий пастор ни разу не обнял и не поцеловал ни одной девушки; целыми днями он просиживал на большом пне тысячетного дуба, сломанного бурей, и глядел на зеленые ивы в неведомую даль. В эти часы кажущегося «бездумия» сложился характер молодого человека.

Таким образом складываются характеры большинства безвольных и бесцветных молодых людей, предоставленных самим себе в деле духовного воспитания и развития.

Ни о чем не думать — это значит думать о самом страшном. И смутные, расплывчатые мысли молодого Руди, мысли, существование которых было ему самому неясным, шаг за шагом, минута за минутой, день за днем, — выковывали в нем тот

странный и ненормальный взгляд на вещи, которым отличался характер Рудольфа Бермана.

Старый Гельдер был очень доволен поведением своего приемыша.

— Ну, чем же он уже теперь не пастор! — почти радостно восклицал он, хотя нельзя не сознаться, что минутами честный старик негодовал на своего питомца, стараясь скрыть это от посторонних, но про себя награждал молодого человека весьма нелестными эпитетами: «кастрированная курица», «тесто без дрожжей» или что-нибудь в этом роде.

Старик не мог не возмущаться. В эти минуты он вспоминал свою молодость и былые похождения.

— Да, да, так это именно все и было... ну-с, а потом, — тут уже старик выдавливал из себя нечто, напоминавшее вздох разочарованного человека: — а потом пришлось венчаться!

В этом месте воспоминаний сразу выплывал перед глазами образ фру Эльзы в том виде, в каком фру Эльза была в настоящее время, и почему-то этот образ являлся всегда в длинной ночной сорочке, с ночным чепцом на редких, жидких волосах.

Тогда Гельдер вздыхал еще раз, и в нем начинали шевелиться по отношению к Руди более мягкие и нежные чувства.

Затягиваясь крепко из своей длинной, прокуренной пенковой трубки, он меланхолически изрекал:

— Гм... что ж? Может быть, и прав молодчик! — и неизменно добавлял свою любимую фразу: — В конце концов, это все оказывается одним сплошным обманом!

Юноша Руди, незаметно превратившись тем временем в Рудольфа Бермана, к неопишуемому удивлению всех его знавших и даже к ужасу фру Эльзы, старавшейся видеть во всем что-то сверхъестественное, быстро закончил курс семинарских наук и, блестяще сдав экзамены, был посвящен в сан священника.

Вскоре пастор Берман прибыл в родной городишко.

Он сам, по своему усмотрению, избрал себе деятельность миссионера и наметил голландские колонии как арену своей предстоящей деятельности.

Приехал он в сонный Горингем всего на несколько дней, чтобы, может быть, навсегда покинуть родную страну непролазных болот, которые упрямыми руками человека превратились в изумрудные нивы, сады, желтые поля и пышные огороды.

Пастор Берман шагал по улочкам крупными шагами, смело и открыто глядя в глаза всем

встречным.

Была весна, яблоня и вишня стояли в цвету, мохнатые крылья дедушкиной мельницы лениво кружились от теплого весеннего ветра. А вдали с веселым визгом, песнями, криком, постукивая деревянными подошвами сапог, новые люди — новые юноши и девушки вели хоровод.

Некоторых из них узнал пастор Берман.

Он помнил их еще детьми в запачканных, грязных платяцах, с черными, смешными, похожими на крысиный хвост, косичками за спиной, на которых никто-то и внимания не обращал!

А вот... вот они и выросли! Как же это произошло?

Холодные мурашки медленно проползли за сутаной священника, неприятно раздражая затылок, шею и поясницу.

Что заставило молодого человека, сомневающегося в присутствии Бога, посвятить себя тому, во что он не верил?

В этом и была необъяснимая загадка его характера.

Тут уже сказала и другая, не менее яркая сторона характера пастора Бермана — его доведенное до совершенства ханженство.

По приезде на Суматру началась новая, скучная жизнь, подкрепляемая черным кофе,

разбавленным пополам коньяком, жизнь, протекавшая изо дня в день среди хитрых, коварных и непокорных язычников, чья связь с природой была еще так сильна, что оторвать их от нее могло только вековое насилие, обман, ложь и угроза, одним словом, все то, что принято подразумевать под словом «колониальная культура».

И так бы, вероятно, и окончилась эта скучная жизнь постоянно лгущего и никому не нужного человека, если в один прекрасный день бесцветная жизнь пастора Бермана вмешательством дьявола, принявшего образ нагой молодой девушки, не пошла по иному руслу.

ПОИСКИ МИСТЕРА УОЛЛЕСА

Мистер Уоллес, первоклассный сыщик, прошедший тяжелую школу Скотланд-Ярда, великолепно сознавал, что в пасторе Бермане он встретил очень сильного и умелого врага.

Ведь он, мистер Уоллес, только недавно прибыл сюда с желто-туманных улиц грохочущего Лондона, тогда как пастор Берман вполне уже акклиматизировался здесь, ознакомился великолепно с местностью, обычаями, настроением и нравами туземцев.

А это было так же важно для успешного

ведения поисков, как и для успешного препятствования им!

Знакомству с ван ден Вайденом и его зятем мистер Уоллес почему-то не придавал большого значения.

Ему необходимо было проверить пастора Бермана и он, уезжая от священника, предложил ему не сообщать сэру ван ден Вайдену о происходившем между ними разговоре и, конечно, не делать никаких попыток к тому, чтобы устроить с ним встречу, так как это может помешать успешному ведению дела.

Исполнение этой просьбы должно было показать, насколько пастор заинтересован в поисках Лилиан.

Вернувшись к себе домой, в маленькую деревушку абенжеров, находившуюся в нескольких милях от северо-восточного берега озера Тоб, выбрав эту деревушку, как стратегическую позицию, откуда должен был начаться его поход, англичанин, не теряя ни минуты времени, принялся за необходимые приготовления к экспедиции в глубь Офирских лесов.

В Паданге и на Паоло-Брассе, где впервые высадился мистер Уоллес, местные голландские власти, любезно предоставив ему все имевшиеся по интересовавшему его делу сведения, достаточно ясно и определенно предупредили его, что никакой

помощи с их стороны ему, мистеру Уоллесу, ожидать не приходится, что голландское правительство убеждено в гибели Лилиан ван ден Вайден, и дали понять, что всякая попытка проникнуть в чащи лесов северного Офира — не больше как безумие и глупость.

Не настаивая совершенно на предоставлении ему помощи, мистер Уоллес, тем не менее, выработав соответствующий план действия, твердо решил не отступать ни на шаг от намеченной цели.

Система англичанина была удивительно проста. Она заключалась в следующем:

Как ни страшны для него лесные жители и дикие звери, малярия и всевозможные яды, но и хинин и привезенные им с собой противоядия из университетской лаборатории Лондона, и автоматическое ружье Браунинга, отнимающее 1 1/2 секунды времени для перезарядки и заряженное сорока разрывными пулями, покидающими магазин ружья в 2 1/2 секунды, — гораздо могущественнее перечисленных зол.

И еще:

Туземцы трусливы. Рассчитывать на их помощь в темных лабиринтах непроходимых лесов Малинтанга и Пазамана совершенно не приходится. Но за большое вознаграждение их можно уговорить отправиться в самую гущу леса, хотя в решительную минуту девяносто девять из ста

оставят «великого белого господина» одного, вместе с его хиномом, противоядиями и автоматическим ружьем Браунинга.

Поэтому необходимо ехать если не одному, то в сопровождении одного-двух испытанных проводников. Но как и где их найти — этих проводников?

Мистер Уоллес и Скотланд-Ярд — это было одно и то же, и мистер Уоллес их нашел!

Дальнозоркий англичанин остановил свое внимание на самом диком племени ньявонгов, почти не имеющем общения с европейцами, на племени, вышедшем с острова Борнео, которое мало чем отличалось от подобных им лесных жителей Суматры — племен органг-улу и оранг-лубу.

Но именно в этом и должна была заключаться вся суть дела!

— Ваши слуги вас же первого и зарежут и отберут от вас ваше ружье, и, что хуже всего, — вашу голову, и скроются совершенно безнаказанными в лесах, пока не проберутся обратно к себе на родину, дорогой мистер Уоллес, — сказал англичанину на Паоло-Брассе старший полицейский чиновник голландского правительства, увидав двух обезьян, которых мистер Уоллес отрекомендовал ему как своих слуг и соучастников предполагаемой экспедиции.

Но англичанин только весело оскалил зубы.

— Oh ho! — сказал он, — я вам ручаюсь, что английский колледж может сделать из любого человека джентльмена!

Я это говорю к тому, что тренировка моя с этими господами по особой системе Скотланд-Ярда сделала из обитателей ваших сказочных лесов вполне достойных носителей жетона тайной полиции. Уверяю вас, что убить меня значительно труднее, чем обучить обезьяну говорить по-английски. Кроме этого, прошу принять во внимание, что убивать меня, с той минуты, как мы погрузимся во мрак непроходимой чащи, этим господам будет меньше всего охоты. Они отлично понимают, что если им удастся завладеть не только моим ружьем, стрелять из которого они все равно не умеют, но даже и моим черепом, то проиграют от этого только они одни. Располагай они целой батареей сорокадвухсантиметровых орудий, это все равно не спасет их в случае моей гибели.

Эта винтовка — только в моих руках винтовка, в их же лапах это весьма неудобная дубина для драки. Я нисколько не сомневаюсь, что вчера, и сегодня, и завтра, и каждый день, пока мы не вступили еще под своды лесов, эти господа не покидают надежды съесть меня живьем, что сделать совершенно невозможно, английское мясо очень плохо переваривается, но... но, как только

мы вступим в лес и будем охвачены его таинственной сенью, эти обезьяны — мои лучшие защитники, которые будут мне желать только одного: настоящего бессмертия. А помощники они первоклассные: не забудьте, они сами лесные жители! Им известны все фокусы и ловушки своих сородичей. Они видят в темноте как кошки и лазят по деревьям как павианы. Вы не согласны со мной, сэр?

Голландский полицейский агент, взглянув снова на соратников мистера Уоллеса, не мог скрыть отразившегося на его лице отвращения.

— Сказать откровенно, сэр, — сказал он англичанину, — я не стал бы делать того, что делаете вы.

Слуги мистера Уоллеса могли внушить чувство не только отвращения, но и самого настоящего ужаса.

Оба они были ростом значительно ниже среднего, с руками, достигавшими коленных чашек. Туловища их были сильно согнуты вперед, что увеличивало еще больше длину безобразно болтавшихся рук. Короткие тонкие ноги с успехом заменяли им во многих случаях руки.

Их черепа были как бы срезаны лобной костью почти от самой переносицы, по направлению к затылку.

Черепы эти были лишены почти всякой

растительности и украшались по бокам огромными мясистыми и сильно торчавшими ушами, а в центре — сплюснутыми носами и широчайшими, наружу вывороченными губами.

У самого лба, под мощно развитыми надбровными дугами, были вкраплены маленькие, звероподобные глазки, темные и жуткие, тускло отражавшие первые мучительные проблески мысли, зародившейся где-то в недостижимых глубинах маленького плотного мозга.

Одного из них звали Гутуми, и он очень гордился тем, что в правом ухе его, раздутом слоновой болезнью, величиной в небольшую тарелку, была воткнута ключица священной обезьяны.

Другой из слуг мистера Уоллеса, Макка — был скромнее насчет ушных украшений, так как в ушах его висели лишь обыкновенные серьги, правда, каждая весом в добрых 3/4 фунта, но зато ноздри его были соединены такой зияющей огромной дырой, что Макка мог просунуть в нее в любую минуту любой предмет толщиной по крайней мере в палец.

Итак, с помощью своих выдрессированных скотланд-ярдским стэком слуг, энергичные руки мистера Уоллеса быстро и умело закончили все необходимые приготовления к предстоящей опасной экспедиции.

Когда экспедиция собралась в путь, она имела следующий вид:

Впереди, одна за другой, грациозно выступали две зебры, на которых были навьючены тюки со всеми необходимыми принадлежностями этой «увеселительной прогулки», как окрестил ее сам мистер Уоллес, начиная от походных палаток и кончая банками с консервированным молоком.

Все, что только могло так или иначе понадобиться маленькой экспедиции, было зорко предусмотрено осторожным англичанином и аккуратно упаковано в самом строгом порядке, в соответствующих тюках и ящиках.

Помимо двух слуг, мистер Уоллес нанял еще шесть человек носильщиков-баттов, степенно выступавших гуськом один за другим с тяжелой кладью на голове сейчас же вслед за Гутуми. Шествие замыкал «великий белый господин» — мистер Уоллес, гордо восседавший на сытой, крепкой лошади. Это внушало к нему уважение и страх, так как лошади считались туземцами большой редкостью и необычайной роскошью.

Шестеро баттов с зебрами, нагруженными кладью, по прибытии к Буйволовоу расселине — исходному пункту углубления в лес, выбранному мистером Уоллесом после долгого размышления и изучения карты — должны были, разбив лагерь, остаться у этого исходного пункта, а мистер Уоллес

с двумя своими ньявонгами, на другой же день по прибытии, углубиться в чащу таинственных лесов.

Рано утром тронулась маленькая экспедиция в путь, лежавший через озеро Тоб прямо вниз, к подножию гор, до столицы независимой Анинии, города Кота-Раджа, откуда шла удобная дорога через Менанкабуа к Буйволовоу расселине.

Деревня, в которой жил пастор Берман, оставалась несколько в стороне слева, но мистер Уоллес решил включить и ее в свой маршрут, о чем счел нужным предупредить священника.

Когда маленький отряд приблизился к Саиби, к деревушке пастора, на узких улицах, обтянутых по краям колючей проволокой, заметно было какое-то необычайное, сразу бросающееся в глаза оживление среди собравшихся дикарей. Большинство дикарей были совершенно наги, только немногие носили так называемый саронг, т. е. короткую юбку до колен из жесткой и грубой материи, сотканной из древесной пряжи бамбука. Тут были и мужчины, и женщины, и старики, и дети.

Но что могло их так взволновать сегодня? Даже девушки, стыдливо стоявшие плотно сомкнутой группой несколько в стороне от мужчин и женщин, позволяли себе изредка бросать мужчинам кой-какие замечания, что позволялось обычаями баттов лишь в совершенно

исключительных случаях жизни.

Старики стояли по краям дороги и что-то пронзительно кричали.

Гортанные и шипящие звуки вырывались из их ртов, как булькающий пар вырывается из кипящего котла.

Мужчины опоясали себя тонкими поясами, к которым были прикреплены острые, как бритва, кривые ножи, называемые туземцами «крисс», которыми одинаково удобно было и бриться и начисто срезать голову врагу.

Воины махали в воздухе руками, вооруженными длинными копьями и, не осмеливаясь перекрикивать биринов, только изредка заглушали их визг негодующими возгласами, полными угроз и злобы по отношению к чему-то, так взволновавшему все племя.

Туземцы, сопровождавшие мистера Уоллеса, не ожидавшие встретить в столь ранний час такое необычайное оживление своих сородичей, с трепетом и испугом приближались к толпе, ибо представившаяся их взорам картина была им хорошо знакома и тайный смысл ее им был прекрасно известен.

Грозный окрик мистера Уоллеса заставил остановившихся было слуг снова двинуться в путь. Незаметным движением руки он отстегнул кобуру.

«Если это только начало, — подумал

англичанин, — конец не должен быть очень хорошим».

В это время, как бы в подтверждение мелькнувшей в его голове мысли, один из носильщиков-баттов повернул голову в сторону мистера Уоллеса и несмело сказал:

— Они думают, белый господин едет убивать священную обезьяну. Они недовольны белым господином.

«Так и есть, — подумал мистер Уоллес про себя. — Каналья начал свою работу». — И вдруг, резко обращаясь к носильщикам, крикнул громко и властно:

— Пошел без разговоров! Плевать я хотел на твоих баттов. Ну? Или ты забыл, как свистит в воздухе мой стек?

И, хотя расстояние между ним и мистером Уоллесом было в несколько сажений, батт пугливо втянул голову в плечи, как будто первый предупреждающий свист страшного стэка уже раздался над его головой, и молча двинулся дальше.

Мистер Уоллес слишком хорошо знал, каких свойств и качеств характера боятся дикари больше всего и чем можно заставить их, сколько бы их ни было, беспрекословно себе повиноваться.

На самой главной улице деревни, куда уже успел вступить отряд англичанина, сопровождаемый целой толпой туземцев,